

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ
РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
КОМИТЕТ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ И РАЗВИТИЮ
ГРАЖДАНСКИХ ИНИЦИАТИВ
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ РАН, ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН
ЖУРНАЛ «СОЦИС», РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО СОЦИОЛОГОВ
ЖИТОМИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (УКРАИНА)
МОНГОЛЬСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (МОНГОЛИЯ)
ЩЕЦИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (ПОЛЬША)
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**IX Международная научная конференция
(«Байкальская встреча»)**

**СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ:
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ
ИДЕНТИФИКАЦИИ**

МАТЕРИАЛЫ

*IX Международной научной конференции
18 – 21 июня 2012 г.*

В 3 томах

Том I

Москва – Улан-Удэ
2012

УДК 316.343.725
ББК 60.543.132.1
С 568

Редакционная коллегия

И. И. Осинский, д-р филос. наук, проф. (отв. редактор); **О. Ж. Гончикдоржиева**, канд. социол. наук (отв. секретарь); **М. В. Бадмаева**, д-р филос. наук, доцент; **А. Н. Постников**, д-р филос. наук, проф.; **М. И. Добрынина**, д-р социол. наук, доцент; **Э.Д. Чагдурова**, канд. филос. наук, доцент; **О. Ю. Рандалова**, канд. филос. наук, доцент; **К. А. Багаева**, канд. филос. наук, ст. преп.; **Ю. С. Ринчинова**, канд. филос. наук, ст. преп., **Н. А. Жапова**, канд. филос. наук, ст. преп.

E-mail: intellige2007@rambler.ru

Материалы публикуются в авторской редакции

С 568 Современная интеллигенция: проблемы социальной идентификации: сборник научных трудов: в 3 т. / отв. ред. И. И. Осинский. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. – Т.1 – 260 с.
ISBN 978-5-9793-0476-2
ISBN 978-5-9793-0479-3

В сборник научных трудов включены материалы международной научной конференции, состоявшейся в г. Улан-Удэ 18-21 июня 2012 г. В них обсуждаются проблемы социальной идентификации и самоидентификации современной интеллигенции. Рассматриваются особенности, характер, структура, направление этих процессов в условиях растущей глобализации и формационных сдвигов. Анализируется влияние происходящих перемен на природу, облик, настроение, поведение интеллигенции. Рассматривается характер идентификационных процессов.

Present Intelligentsia: Problems of Social identification: the collection of proceedings: in 3 pt. / the chief editor I. I. Osinsky. – Ulan-Ude: the Publishing Department Buryat State University, 2012. – Pt.1 – 260 p.

This collection of scientific studies contents the materials of the international conference which was hold in Ulan-Ude on June 18-21, 2012. The problems of social identification and self identification of the modern intellectuals were discussed there. There were studied the main features, structure and the direction of these processes in the conditions of rapid globalization and formation shifts. Also the influence of occurring changes on the nature, habit, mind and behavior of the intellectuals was analyzed there. And the nature of identification processes was studied.

ISBN 978-5-9793-0479-3

© Бурятский госуниверситет, 2012

© В.Н. Слюсар
(Житомир)

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК ОБЪЕКТ НАСИЛИЯ В ПЕРИОД ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Трансформационные общественные процессы, вызванные длительными конфликтами и необходимостью утвердить новые общественные порядки, сопровождаются, как правило, комплексным насилием (т.е. одновременной реализацией разных форм, где одна усиливает действие другой) с преобладанием наиболее острых форм, среди которых можно выделить агрессию, запугивание, террор, применение вооруженной силы. В принципе, все радикальные социальные свершения (перестройки, революции, системные реформы) сопровождаются либо прямым насилием в форме террора и репрессий, либо непрямым в форме структурных преобразований социальных институтов, влияющих на формирование мировоззренческих установок. Насилие со стороны новоутвержденной власти или социальных групп, иницилирующих социальные трансформации, направлено, в первую очередь, на определенные социальные общности и группы, признанные этим субъектом насилия основными «преградой», «тормозом» изменений. Эти группы и есть некая жертва, принесенная на алтарь преобразований, интегрирующая и аккумулирующая всю разрушительную энергию общества для совершения качественного скачка в развитии общества. Тенденциозно таким объектом насилия предстает интеллигенция. Возникает вопрос, почему именно эта социальная общность

чаще всего поддается насилию? Физическое истребление и моральное унижение интеллигенции завершается началом формирования «новой интеллигенции», первоочередно приносимой в жертву следующим социальным трансформациям.

Насилие как социальный и духовный феномен было предметом философских размышлений еще с эпохи Античности. Нарастание его силы и масштабов реализации, утверждение тотальности насилия, наблюдаемое в последние два столетия, актуализировали необходимость переосмысления данного феномена и поиска методов преодоления его практической реализации. Проблема насилия нашла свое отражение в работах Пьера Аснера, Этьена Балибара, Вальтера Бенямина, Абдусалама Гусейнова, Владимира Денисова, Славоя Жижека, Рене Жирара, Мишеля Фуко и др. Специфической чертой современных исследований можно определить отхождение от узкого понимания насилия исключительно с позиций социологического объективизма, либо из субъективистских позиций. В нашей статье мы будем исходить из метапарадигмального подхода, суть которого состоит в интегральном анализе социальной реальности в ее структурно-функциональном аспекте и единстве субъективного и объективного. Цель статьи – проанализировать, каковы причины и основания для утверждения образа интеллигенции как объекта насилия в период структурных социальных трансформаций.

В философских науках понятие «насилие» обозначает как неоправданное и несправедливое использование силы с целью решить определенные социальные задания (это, как правило, приводит к перекручиванию поставленных, в т.ч. самых благородных, целей), так и принуждение (действие), используемое особой, группой или государством для достижения поставленных целей (использование силы сводится к прямому нанесению физического, психического либо морального ущерба другой особе или государству), а также угроза использования силы [1, С. 114]. Насилие, таким образом, – это особый вид влияния человека на человека, целью которого есть принуждение последнего к определенному поведению [2, С. 18]. Хотя невозможно свести насилие только к комплексу определенных действий субъекта, оцененных обществом как носящих отрицательный характер. Насилие, прежде всего, – это социокультурный феномен, выступающий, по определению В. Денисова, в качестве трансисторической формы социальной жизни, всеобщего модуса существования человечества [3, С. 43]. Насилие, в такой трактовке, выступает имманентно присутствующим во многих социальных процессах феноменом, исполняющим и деструктивную, и конструктивную функции.

Наиболее острые формы насилия приобретает в период структурных социальных трансформаций, сопровождающихся масштабными актами насилия относительно тех или иных социальных групп и сообществ, определенных субъектами насилия как главная причина, препятствующая совершению успешных социальных изменений. Насилие совершается в форме как косвенного, так и прямого действия. Объектом насилия может быть интеллигенция. История, особенно в XX веке, изобилует примерами массового уничтожения интеллигенции. К примеру, «буржуазная» интеллигенция названа В. Лениным «попутчиками», т.е. людьми, с которыми пролетариат идет вместе (совершают революцию) до первого перекрестка, а дальше, как показала практика, после выполнения предписанного социального предназначения представители интеллигенции были массово истреблены. Украинизация советской Украины в конце 20-х гг. XX в. способствовала росту активности национального культурного движения, преемственному формированию почти уничтоженной в гражданской войне интеллигенции. Но уже в начале 1930-х годов произошло тотальное уничтожение этой сформированной интеллигенции (в историю она вошла под названием «Расстрелянное Возрождение»). Одним из наиболее жестоких примеров уничтожения интеллигенции в современной истории можно назвать «культурную политику» демократической Кампучии (1976-1979 гг.). За 3 года правления красных кхмеров под предводительством Пол Пота в стране было разрушено 5857 школ, 796 госпиталей, фельдшерских пунктов и лабораторий, 1968 храмов, 108 мечетей; под лозунгом необходимости удвоить революционную бдительность в отношении тех, кто служил в старом аппарате власти (техников, учителей, врачей, инженеров и др.) партия провозгласила отказ от их профессиональных услуг, что подразумевало их массовое истребление; в результате в живых остались единицы преподавателей высших школ (из 725), 207 преподавателей лицеев (из 2300), 2717 школьных учителей (из 21 311), 54 врача (из 487), 15 фармацевтов (из 196), 121 артист (из 1241) [4]. Впрочем, насилие в отношении интеллигентов может совершаться в более лояльных, некровавых формах, например в люстрации.

Эти и множество других типичных исторических фактов актуализируют необходимость анализа социальной роли интеллигенции в период трансформаций. Прежде всего, утверждение новых социальных норм сопровождается сакрализацией власти. Это заключается в превращении государства и соответствующей государственной власти в объект, владеющий и раздающий благо, ставящий себе цель - построение общества всеобщего благоденствия. Такой объект идентифицируется как особый сакральный феномен: Великий Жрец, имеющий интимную связь с «тай-

ной» сутью истории, скрытой от всех других [5, С. 46]. Но реализация этой цели предусматривает решение бытовых, обыденных проблем, а это становится угрозой потери сакрального содержания власти. Для усиления эффекта сакрализации новоутвержденной власти актуализируется необходимость создания новой интеллигенции, интегрирующей в себе как наивысший уровень компетентности, так и святость (непогрешимость, честность, благодетельность и т.п.). Существующая интеллигенция отождествляется с архаичными, консервативными порядками, в которых утеряна интегральная социальная сакральная связь, с несоответствием уровня компетентности новым порядкам.

В работе «К критике насилия» Вальтер Беньямин, анализируя проблему установления новых социально-правовых отношений, определил две формы реализации насилия: «мифическую» и «божественную». «Мифическое» насилие – правоустанавливающее, оно кровавое, вызывает вину, расплату, действует ради самой жизни и требует жертв, а «божественное» – правоуничтожающее, оно смертельно без пролития крови, действует с целью искупления ради живущего, принимая жертвы [6, С. 196]. Следуя предложенному В. Беньямином закону колебания насилия, структурные общественные трансформации представляют собой действие «мифического» насилия, цель применения которого – установление новых социальных порядков на основании новых норм (даже если определенные нормы не изменяются, они должны быть вновь артикулированы и пройти процедуру правоустановления). Старые нормы отрицаются как не отвечающие требованиям времени, эпохи. Установленные новые социальные нормы функционируют в обществе благодаря «божественному» насилию, использование которого оправдывается необходимостью достижения целей, а не как в «мифическом» – причинами использования средств. «Божественное» насилие становится неким символом, знаком, печатью, утверждается как властвующее, актуализируя организацию и деятельность несогласных слоев общества, чьи представители становятся носителями «мифического» насилия, которое со временем сменит «божественное».

Основной чертой интеллигенции как образованной, критически мыслящей части общества, по определению Л. И. Новиковой и И. Н. Сиземской, можно назвать «творчество культурно-нравственных ценностей (форм) и приоритет общественных идеалов, ориентированных на всеобщее равенство и интересы развития человека» [7]. Таким образом, с одной стороны, интеллигенция и есть основной «хранитель» гуманистических социальных порядков, совершающий «божественное» насилие, противодействуя «мифическому». А с другой – интеллигенция, спо-

собная даже на радикальные меры, есть источник рождения нового «мифического» насилия, в антигуманных общественных условиях. Утверждение новых социальных норм всегда требует использования средств, направленных против свободы и даже жизни человека, что, в свою очередь, не соответствует идеологии интеллигенции, позиционирующей себя как «интеллектуальная оппозиция». Интеллигенция, если только не сводить это понятие к понятию «народная интеллигенция», понимаемое как особая социальная прослойка, состоящая из служащих, преподавателей, учителей, врачей, инженеров и деятелей искусства, на практике неспособна совершить тотальное «мифическое» насилие.

Как «интеллектуальная оппозиция» интеллигенция обречена стать одним из первых объектов «мифического» насилия, совершаемого новой властью. Социальные трансформации совершаются с производства насилия, как уже отмечалось, с целью разрушить существующие нормы и установить «свои» новые. Но насилие миметично (взаимно), оно вызывает ответное насилие и дальнейшую эскалацию, что вызывает «жертвенный кризис». Автор концепции «миметического» и «жертвенного» кризиса Рене Жиар в своих работах «Ложь романтизма и правда романа», «Насилие и сакральное» и «Козел отпущения» высказал предположение, что если в обществе заканчивается инерция действия изначальной жертвы, исполняющей интегральную социальную функцию, поскольку она впитывает в себя все проявления насилия (т.е. все члены общества «единодушны» в насилии к жертве), возникает необходимость совершить ритуальное жертвоприношение. Оно «защищает сразу весь коллектив от его собственного насилия, оно обращает весь коллектив против жертв, ему посторонних» [8, С. 15]. Определенная общность провозглашается виновником возникающих социальных проблем и «назначается» основным объектом насилия. Субъект насилия (Р. Жиар называет его «гонителем») убеждает себя и общественность, что, несмотря на свою слабость, объект насилия вредоносный, а «стереотипное обвинение, которое санкционирует и облегчает это верование, служит своего рода посредником, мостом между малостью индивида и огромностью социального тела» [9, С. 33]. Признание реального существования и кризиса, и насилия позволяет переложить на жертву, признанную причастной к кризису (т.е. «козлом отпущения»), ответственность за него.

Базовый транскультурный характерный признак, по которому выбирается жертва, — социальная, физическая или духовная «ненормальность» («аномалия»). «Ненормальностью» интеллигенции в капиталистическом обществе можно определить ее фроммовскую нацеленность на «быть», в отличие от потребительской устремленности на «иметь» остальной части

общества. Следующим признаком можно выделить принадлежность. Жертва («козел отпущения») должна быть одновременно и «своим», и «чужим», а также, соответственно, и ни «своим», и ни «чужим». Это достаточно точно определяет социальное положение интеллигенции, генерируемой самим обществом, но, в то же время, благодаря креативной способности относительно социальных ценностей, отделяемой от него. Таким образом, интеллигенция как общность обладает основными признаками «жертвы» в акте общественного «ритуального» жертвоприношения.

Одной из основных целей «мифического» насилия, особенно при утверждении тоталитарного типа общества, также есть культивация в социуме состояния всеобщего страха и господства рабского духа. Это позволяет ускорить утверждение новых социально-правовых норм и перейти к следующей форме насилия – «божественной». Этому способствуют, с одной стороны, силовые методы, например, террор, геноцид, введение чрезвычайного положения, комендантского часа, и замена моральной оценки насилия моральной демагогией. Интеллигенция – это «страж моральных параметров человеческого бытия» [10, С. 4], она компетентно продуцирует определенные моральные нормы, санкционируя те или иные действия индивидов, групп, власти с позиции добро – зло. Это, прежде всего, касается насилия, ассоциируемого в обществе со злом. Но насильственное действие может быть направлено на благо человека, например, необходимо силой остановить человека, пытающегося в состоянии аффекта совершить суицид. Такое действие не считается насилием и не несет на себе негативные характеристики, поскольку получило этическую санкцию на совершение. Принужденное устранение интеллигенции от моральных санкций приводит к господству в обществе моральной демагогии, суть которой состоит в обеспечении самого насилия. В такой способ осуждаются любые действия против «нас» (это насилие) и находят оправдания любые действия против «них» (это необходимость). В такой ситуации, отмечает А. А. Гусейнов, «определенные субъекты узурпируют право выступать от имени добра, а своих оппонентов отмечают черной меткой, превращая их тем самым во врагов» [11, С. 10].

Одним из ключевых моментов утверждения «божественного» насилия выступает доминирование компетентного насилия над всеми иными его формами. Только компетентность, по мнению Х. Хофмейстера, способна дать насилию положительных коннотаций [12, С. 45]. Ведь, если прямое действие насилия способно сломать волю объекта, к какому оно обращено, то рациональное (в т.ч. и компетентное) ставит себе цель подчинить его волю. Компетентное насилие оставляет за объектами возможности отстаивать свою свободу, принимать собственные решения и даже пред-

полагает совместное участие объекта и субъекта в совершении насилия (например, это четко прослеживается в учебном процессе во взаимодействии «учитель – ученик»). Эта форма насилия – один из самых эффективных инструментов власти. Вместе с тем, компетентность есть один из характерных социальнозначимых признаков интеллигенции. В ситуации, когда цели власти и интеллигенции не совпадают, возникает конфликт, разрешаемый путем исключения из механизма компетентного насилия общества одной из сторон. Как правило, власть, имея в своем распоряжении больше ресурсов, монополизировать и эту форму насилия.

Глобализационные процессы и сопутствующий им рост всеобщей образованности через продуцирование в массовой культуре способов совместного принятия решений, создавая ощущение всеобщей компетентности. Таким образом, роль интеллигенции уже незначительна, ее мнение игнорируется. Благодаря разного рода ток-шоу с привлечением «специалистов» (достаточно часто ими могут быть просто известные «звезды» шоу-бизнеса) вырабатывается общее компетентное «экспертное» решение относительно разных сфер социальной, политической и культурной жизни. К примеру, благодаря политическим ток-шоу, каждый украинец знает чуть ли не наизусть условия российско-украинских газовых договоров и механизм расчета формулы цены на газ, имеет собственное компетентное мнение по этим вопросам. Замещение в украинском обществе интеллигенции, как отмечают П. Саух и Ю. Саух, представителями самоизбранной и самовлюбленной элиты (ее еще называют «новой интеллигенцией», «шоу-интеллигенцией», «карьерной интеллигенцией или «декоративной интеллигенцией») приводит к тому, что эти «упакованные» народные депутаты, подкаблучные политтехнологи, шоумены и «отмеченные перстом» артисты в свободное время, между шиком Канар и Монако, упражняются в софистских дискуссиях о социальных стандартах, истоках кризиса и секретах алгоритма выживания украинского народа. Они рассыпаются библейскими цитатами с телеэкранов, учат жить «малого украинца» в своих интервью, освящают семейные бутики и евроофисы, стоят рядом с владыками и ведут себя так, будто бы Бог только им поручил учить людей признавать Его, иначе без них он не был бы всемогущим» [10, С. 3]. Это позволяет нам проиллюстрировать формы проявления моральной демагогии в трансформирующемся украинском обществе. Подобную ситуацию можно наблюдать как во многих постсоветских, так и других обществах, в период структурных социальных изменений.

Последствием тотального физического или морального уничтожения интеллигенции является формирование в обществе базового типа личности, чьими основными признаками выступают способность к полному и

безоговорочному подчинению, обреченность, массовое депрессивное состояние. Известные ревизионисты Холокоста Серж Тион и Пьер Гийом в исследовании истории правления красных кхмеров в Камбоджи, указывают на всеобщее психическое состояние камбоджийцев после свержения режима Пол Пота, когда многие выжившие прятали свой срам быть молчаливыми рабами, они не сохранили свои собственные моральные нормы, впали в перманентную депрессию [13]. Депрессивностью, в определенной мере, характеризуется и украинское общество в последние десятилетия, когда интеллигенция была устранена от исполнения своих социальных ролей. Это позволяет нам утверждать, что глобализация не привела к «концу интеллигенции», а, наоборот, побуждает общество переосмыслить ее роль и предназначение. В то же время, перед интеллигенцией опять стоит актуализируемое в кризисные эпохальные моменты истории задание, провозглашенное еще Н. Бердяевым, – осознать собственную виновности происходящего, освободиться от внутреннего рабства, возложить на себя ответственность, перестать винить внешние силы [14, С. 193]. Возрожденная душа интеллигенции способна не только противостоять насилию, но и сменить его вектор в противоположную сторону, от объекта обратно к субъекту.

Такие общественные трансформации как революции, системные реформы, «перестройки» характеризуются применением комплексного насилия со стороны инициаторов преобразований. Как подтверждает история, достаточно часто объектом насилия в такие моменты становится интеллигенция. Общественные группы, утверждающиеся как власть, пытаются создавать «новую интеллигенцию», более компетентную, чем предыдущая. Это объясняется их намерением через «мифическое» насилие установить новые социальные нормы, «хранителем» которых является интеллигенция, чьей характерной чертой является творчество культурно-нравственных ценностей, т.е. она – субъект «божественного» насилия. Также, имея такие социально-культурные характеристики как фроммовская нацеленность на «быть», признаваемая общественной «аномалией», и неопределенное социальное положение (ни «свои», ни «чужие»), интеллигенция назначается жертвой в акте общественного «ритуального» жертвоприношения, способного интегрировать общество, преодолеть «миметический» кризис. В условиях социальных трансформаций интеллигенция, как правило, устраняется от выполнения социальных функций: выдачи моральных санкций (это приводит к господству в обществе моральной демагогии) и совершения компетентного насилия (эту функцию исполняют СМИ, создающие через ток-шоу ощущение всеобщей компетентности).

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Геополітичний словник : навч. посіб. / Саух П. Ю., Бутковська Н. Ю., Герасимчук А. А. та ін. ; за заг. ред. проф. П. Ю. Сауха. – К.: «МП Леся», 2010. – 327 с.
2. Hofmeister H. Der Wille zum Krieg oder Die Ohnmacht der Politik. Ein philosophisch-politischer Traktat / H. Hofmeister. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2001. – 160 S.
3. Денисов В. В. Философия насилия / В.В. Денисов // Философия и общество. – 2008. – № 1. – С. 39 – 56.
4. Кампучия: жизнь после смерти / сост. Е. Кобелев. – М.: Политиздат, 1985. – 224 с.
5. Громадянське суспільство: ідеологія і реальність / Відпов. редактор М. М. Мокляк. – К.: без видавництва, 1997. – 59 с.
6. Benjamin W. Zur Kritik der Gewalt / Benjamin W. / Gesammelte Schriften, vol. II. 1, herausgegeben von R. Tiedemann e H. Schweppenhauser, Suhrkamp, Frankfurt a. M., 1999. – S. 179 – 204.
7. Новикова Л. И. Интеллигенция / Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. общ.-науч. фонд; Научно-ред. совет: предс. В. С. Степин. – М.: Мысль, 2010. – Т. III. – 2009. – С. 130.
8. Жирар Р. Насилие и священное / Рене Жирар [пер. с фр. Г. Дашевского]. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 400 с.
9. Жирар Р. Козел отпущения / Рене Жирар [пер. с фр. Г. Дашевского]. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. – 336 с.
10. Саух П. Інтелігенція: між місцями і приниженням / Петро Саух, Юрій Саух // Історія. Філософія. Релігієзнавство. – 2009. – № 4. – С. 2 – 8.
11. Гусейнов А.А. Моральная демагогия как форма апологии насилия / А.А. Гусейнов // Вопросы философии. – 1995. – № 5. – С. 5 – 12.
12. Hofmeister H. Der Wille zum Krieg oder Die Ohnmacht der Politik. Ein philosophisch-politischer Traktat / H. Hofmeister. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2001. – 160 S.
13. Guillaume P. Revisionismus von ultralinks. Die anti-imperialistische Avantgarde / Pierre Guillaume, Serge Thion. / Berlin: eigner verlag, 2006. – 358 S.
14. Бердяев Н. Философская истина и интеллигентская правда / Н. Бердяев // Духовный кризис интеллигенции. – М.: Канон, 1998. – С. 173 – 193.